

В. ФЕДОРОВ

ЗОЛОТЫЕ
ЗВЕНЬЯ

84РХ(2Р-7Кем)

Ф33

НОВОСИБГИЗ
1947

**Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока**

844				

1462113

Вас. ФЕДОРОВ

Ф 33

2

ЗОЛОТЫЕ ЗВЕНЬЯ

515717

ОГИЗ—НОВОСИБГИЗ—1947

Колхоз «На Ленинском пути» раскинулся на семи невысоких холмах, близко примыкающих к небольшой речушке, шутливо именуемой «Дергунчиком», видимо, потому, что она посчитала своим неперменным долгом обогнуть почти каждый холм. Только после этого, полная гордого сознания от исполненного, она выпрямилась и спокойно пошла дальше, громко напоминая о том, что весна уже объявлена.

Настоящую сибирскую весну можно почувствовать лишь в деревне, особенно вечером, когда над разопревшей землей сдвинутся плотные сумерки, а в избах зажгутся первые робкие огоньки. С каждой минутой их становится все больше и больше, и тогда отчетливо видно, что холмы как бы сближаются между собой, замыкая в полукольцо небольшую площадку у их основания, где расположены: правление колхоза, большое городское типа здание сельпо, клуб с избой-читальней и маленький домик сельсовета.

Воздух, теплый и влажный, наполняется еле уловимыми звуками таянья последних снегов, редкими перекличками диких уток, присевших в болоте за огородами, мягким стуком лошадиных копыт, скупыми переговорами возвращающихся с ближнего поля пахарей и бороноволоков. Каждый отдельный звук только подчеркивает тишину. Она не нарушается даже резким пофыркиванием мощного «Дизеля», который то приближается к селу, то

удаляется от него, скрытый высоким земляным валом за речкой.

Вечерняя тишина длится лишь до тех пор, пока парни и девушки, вернувшись с поля, не справят свои домашние дела, пока молодой гармонист, живущий на одном из холмов, не возьмет в свои руки громкой двухрядки, постоянной спутницы сельской молодежи, пока не тронет осторожными пальцами ее веселых ладов. А тронув такие лады, невозможно не вывести что-нибудь такое, чтобы другим не усиделось дома. Еще днем было известно, что вечером состоится комсомольское собрание. Кому же как не гармонисту подать первый сигнал к сбору. Сначала гармонь недовольно пробурчала что-то, глотнула свежего весеннего воздуха, помолчала минуту и пошла переливаться тонкими голосами. Заслышав позывные, парни и девушки спешат ответить на них: с противоположного холма уже звучит девичья песня, а за ней—другая:

«Летели на фронт самолеты,

Над полем закат догорал,

И пели бойцы на привале,

Как сокол в бою умирал.

Бесстрашно он бился с врагами

За счастье советской земли,

Но грудь ему пулей пронзили,

Но крылья ему подожгли.

И раненый сокол воскликнул:

— Пусть я погибаю в бою,—

Они дорогою ценою

Заплатят за гибель мою!»

Голоса некоторое время соревнуются. Песенный круг все замыкается. Маленькие группки парней и девушек, сходя вниз по косогорам, почти одновременно сходятся у крыльца правления колхоза.

Несколько минут идет спор о том, чья песня лучше. Песни самые популярные, известные по всей стране. Для песни берутся только близкие сердцу слова, а музыка сочиняется самими.

В темноте почти не видно лиц.

Слышатся тихие переговоры:

— Отчет Полинки будет?

— Будет...

—Ее надо подкрутить, а то она совсем развинтилась,— захихикала сказавшая,— поверите, как она с трактористом Михеевым стала гулять, так и про нас забыла.

— Ой, поди, неправда?!..

— Правда, Клашенька, с места мне не сойти, если не правда. Сама видела. Сегодня она весь день на тракторе каталась — комсорг!..

Кто-то заметил секретаря райкома. — Ой, Танечка, а я тебя и не узнала в темноте. Какая ты худенькая стала.

— С вами такими похудеешь, — отшучивалась та, — комсорг на тракторе катается, а комсомолки дома сидят.

— Вот и неправда, только что с поля пришла.

— А другие?

Девушка наклонилась к уху собеседницы и что-то пошептала, после чего обе засмеялись...

— Пусть комсорг отчитается.

— И отчитаюсь! — На ходу бросает Полина Ботинева, подходя к правлению.

Пока в помещении зажигали свет и расставляли скамейки, у крыльца шли оживленные разговоры по поводу предстоящего собрания.

— А почему Дуси Морозовой не видно?

— Здесь я, — отозвался голос, и от группы девушек отделилась плотная фигура комсомолки.

— Что же ты прячешься за других, не к лицу тебе это. Много недовольства накопилось у комсомольцев за последнее время...

— Организация, можно сказать, самая большая по всему району, — говорит дусина подруга Тася. — Всю войну работали куда лучше, чем теперь, а были ведь подростками. Бывало по району, да и по области в пример ставили. Взять хотя бы звено Дуси Морозовой, на всю область славилось, а вот в прошлом году получилась неудача. Работали здорово, а результаты получились неважные. Поэтому Дуся и сейчас еще ходит, как не своя. Шутка ли, первейшая по району так оконфузилась.

— Как получилось? — спросила Таня.

— Виновато, конечно, и правление колхоза, — говорит Дуся, — и комсомольская организация. Все думали, что

это мое личное дело, как будто только наше звено должно за урожайность болеть. Вот сегодня, если будет этот вопрос стоять, я все выскажу.

— Обязательно выскажешь, — поддержала секретарь райкома, — мне кажется, что этот вопрос надо специально поставить на повестку.

— Мы его поставим, — угрожающе ответила Дуся.

У комсомольцев особенно разгорелись страсти после награждения передовиков сельского хозяйства. В соседнем колхозе, в звене высокого урожая комсомолки Наташи Жарковой, урожай получился двадцать три центнера с гектара. Звеньевую наградили орденом Красного Знамени. От этого почет и колхозу и комсомольской организации.

— Про Наташу я ничего не скажу, — говорила Дуся, — работница хорошая, только мы тоже не хуже их. Если нам сделать все как следует, мы их загоним.

Из-под белого полшалака глядели упрямые глаза.

Высказав свои обиды, она плотно сжала тонкие губы и поглядела, как бы ища поддержку у своей подружки, — Тася не даст мне соврать.

— Наш участок долго не пахали, — начала Тася, — я тогда говорила Полинке: «Давай созовем комсомольское собрание», а Полинка не захотела. Хоть она и сестра мне, а я скажу, что работать она стала плохо.

Легкая на помине из конторы вышла Ботинева и глухо объявила:

— Заходите что ли...

**

В конторе две комнаты. В первой горит свет, а вторая, видимо, бывшая горница, открыта, но не освещена, — это кабинет председателя колхоза, которого еще нет пока. В организации большинство девушек. Первую скамейку у окон заняло звено Дуси Морозовой. Ближе к столу села звеньевая, плотная круглолицая девушка. Рядом с ней, по левую руку, села ее подруга Тася, такая же плотная с мягким белым лицом и спокойными серыми глазами. Она менее уверена, даже немного смущена: как никак, а у стола стоит родная старшая сестра, и ей,

вероятно, крепко достанется. Тася осторожно глядит на нее, стоящую с листом чистой бумаги. Он дрожит в руке и выдает ее внутреннее состояние. Тася, заметив это, даже отвернулась и стала смотреть на своих подружек слева — там сидели две Мани. Одна черненькая, другая беленькая с робкими чертами подростка, смотревшая так, как будто спрашивала у всех — что же теперь будет? Но отвечать никто не собирался, все рассаживались, передвигая скамейки, а усевшись, принимали непроницаемое выражение, и она с беспокойством окидывала своими голубенькими глазками из-под белесых бровей то комсорга, то секретаря райкома комсомола, делавшую вид, что ее это не касается.

Ребята терялись среди девушек, как в цветнике. Саша Миклюхин и Коля Заворин выглядели здесь самыми взрослыми.

В контору вошли председатели сельсовета и колхоза. Две комсомолки уступили им места на первой скамейке, а сами перешли к «запечникам» — к сидевшим у печи девчатам, большинство из которых за последнее время делало прогулы. Все притихли, ожидая открытия собрания. А собрание открывать было, видимо, тяжело. Комсорг у стола. Она никак не могла поднять головы и произнести нужные слова.

Трудно стоять перед лицом товарищей, когда чувствуешь свою вину. В эту минуту нельзя солгать ни перед ними, ни перед своей совестью.

Наконец, она подняла свое виноватое лицо и, минуя все формальности, проговорила: давайте председателя и секретаря.

— Заворина Колю!..

— Мотю Ботиневу!..

Выдвинутые кандидаты прошли почти единогласно. Мотя принялась за протокол, а Николай Заворин, русоволосый паренек с бронзовым загаром лица, не зная, куда девать вдруг ставшие лишними руки, повел собрание.

— Так что давайте, товарищи, утвердим повестку дня, — медленно говорил он, оглядывая собравшихся, —

предлагается прием в члены и отчет секретаря, — повернулся к комсоргу и спросил, — будешь отчитываться?

— Почему у нее спрашиваешь? — закричали с правой скамейки.

— Вот я и говорю, что ей полагается отчитаться.

Повестку утвердили единогласно. Председатель, чувствуя общее недовольство комсоргом, как будто заранее знал строгое решение собрания и мялся — кому давать первое слово.

— Я еще комсорг, — тихо сказала Ботинева, — что ты мне слова не даешь?

Заявление в комсомол поступило от шустрого, остроногого мальчонки с быстрыми шаловливыми глазами, плугаря Саша. Ему предложили рассказать свою автобиографию.

— Давай Саша...

А Саша стоял и улыбался, он не знал о чем ему, шестнадцатилетнему, рассказывать. Действительно, что ему говорить о себе? Когда началась война, ему было всего десять лет. Какая у него автобиография? Родился и вырос в этом колхозе.

— Нету у меня ее, поэтому и в комсомол иду. Хочу, чтобы у меня тоже автобиография эта была. Давайте, принимайте!..

Может быть Саша знал Устав не так твердо, чтобы к нему не придаться, но чутье молодого колхозника, выросшего среди комсомольцев, делало его ответы правильными.

Сашу приняли в комсомол. Он, улыбаясь, приподнял со лба опустившийся темный чуб и сел на первую скамейку. Этот прием был во всех отношениях показательным. Было ясно, что колхозная молодежь тянется в организацию.

Саша может быть слабо представляет богатую довоенную колхозную жизнь. Но те, кто постарше, помнят ее... Амбары ломались от хлеба. Восемь-десять кг получали колхозники ежегодно на свой трудодень. Колхозные пригоны были полны скота. В конюшнях стояли прекрасные холеные лошади, работать на которых было одно удовольствие. Война нанесла некоторый ущерб сельско-

му хозяйству. Сократились посевные площади, снизился уровень агротехники, понизились урожаи, поголовье скота и его продуктивность. Раны глубоки. После победоносного окончания войны партия предприняла серьезные меры для быстрейшего восстановления и развития народного хозяйства. Требуется напряженные усилия.

Настали послевоенные дни. Советские воины вернулись к своим родным полям, жадные до работы руки взялись за любимое дело. Только здесь они почувствовали настоящий мир.

Партийные организации стали крепче, их авторитет — выше. Оживилась работа и комсомольских организаций. Ребята стали активнее; больше требовательности, больше напора, больше непримиримости к недостаткам проявляется в них.

Вот почему комсомольское собрание колхоза осуждающим молчанием встречает отчет своего комсорга Ботиной Полины, которая, чувствуя это, долго не решается заговорить. Ее молодое, беспечное лицо то вспыхивает от стыда, то покрывается бледностью. Она видит перед собой товарищей, пришедших из тракторной бригады в своих промасленных пиджаках, своих подруг, вернувшихся с боронования, одетых в простые платья, обутых в грубые рабочие ботинки. Она внутренне ругает себя за то, что нарядилась в шолковое с желтыми полосками платье и черную шерстяную жакетку. Будь бы дела хороши, тогда — другое. А сейчас перед собранием в туфельках на высоких каблучках она значительно выше, но держится неуверенно и ей хочется провалиться от стыда. Она молчит. Раздается реплика:

— Хватит играть в молчанку, давай рассказывай!

Полина не сдержалась: — Что вы на одну меня нападаете?! Разве я одна плохо работала, а почему члены комитета не отвечают, — пробует она отговориться, — Миклюхин Саша член комитета, а смотрит на меня тоже зверем.

Была минута, когда председатель собрания чувствовал, что вожжи ускользают из его рук, а как удержать их не знал. — Ты, Полина, на Сашку пока не насакивай. Ты про свое говори, вот!..

Со всех сторон посыпались вопросы.

— Почему собраний не было?

— Почему изба-читальня не работает?

— Почему Морозовой не помогаем?

— Как не помогаем?

— Плохо помогали, что душой кривить, — пробурчал

Миклюхин.

Вопросов посыпалось столько, что раскрасневшаяся Ботинева едва успевала выслушивать, а под конец не выдержала, закрыла глаза и убежала в соседнюю комнату, где было темно. Собрание зашумело.

— Это не по-комсомольски!..

— Что ты, Полина, прячешься!..

Из темноты слышалось тихое всхлипыванье. Все замолчали, осторожно поглядывая друг на друга, особенно на руководителей. Тогда председатель колхоза взял слово. По выражению его темных цыганских глаз было видно, что он явно доволен тем, что собрание круто взялось за комсорга.

— Полина Ботинева, — начал он, — капризничает зря. Не так должен вести себя комсомольский руководитель, с которого ответ спрашивают. Если бы все мы, руководители, закрыли глаза да убежали от колхозного крестьянства, — грош нам цена. Понятно? Перед товарищами надо отвечать прямо, — сделал он ударение на последнем слове. — Меня, как председателя колхоза и коммуниста, тоже спрашивают, а в хозяйстве у нас, сами знаете, не все в линию. К примеру возьмем, фронт. В первый год армии отступали, стыдно перед народом, а отступают, где по плану, а где и без плана. Позор вечный полководцу, если бы он закрыл свои генеральские глаза да и убежал от полков. Не убежали, а победили, потому что верили в бойцов, верили в народ и себе доверие давали.

Вот как, Полина, дела у нас обстоят. Если бы работали хорошо, то приятно было бы слушать, да и товариш Таня уехала бы от нас в другом настроении. — Он постоял с минуту в раздумье и сел на лавку, вытаскивая из бокового кармана старый потертый кисет.

— Давай, председатель, веди собрание.

— Веду! Так что предлагаю комсоргу вернуться и занять свое отчетное место. Выходи, Полина!

Все повернулись к темноте в зеленой дверной раме. Полина вышла не сразу. Словно после сильного и шумного урагана в природе наступает тишина, появляется солнышко и все становится ярче, — так и теперь стало тихо и спокойно. Можно с полным сознанием, без лишней запальчивости, критически отнестись ко всему, что сделано и что еще предстоит сделать.

Если в начале собрания кое-кто старался, возможно даже из чувства озорства, лишний раз уколоть комсорга, то теперь все почувствовали, что обстановка намного серьезнее, чем они думали, что их личная ответственность куда больше, чем они предполагали. Поэтому, когда комсорг вернулась к столу и начала отчитываться, ее уже не прерывали.

— Зимой мы собирались часто, — говорит Ботинева уже спокойней, — мы проводили собрания. Изба-читальня и красный уголок у нас работали тогда, можно сказать, хорошо. Правда, я теперь признаюсь, зимой я, как избач и комсорг, работала лучше, чем сейчас. Еще зимой мы начали готовиться к посевной. В прошлом году урожай в колхозе был не шибко хороший. Даже дусино звено не получило по своему обязательству, а я знаю, что они хорошо работали. Вот вы меня ругаете, я признаю свою вину, но в этом виновата не только я одна. Дмитрий Романович сам же в прошлом году плохо помогал Дусе.

Председатель колхоза затягивался папироской и кивал головой, а комсорг продолжала:— Мы потратили много дней, чтобы удобрить ее участок. Делали воскресники, помогали возить перегной, собирали золу и, когда пришла весна, мы ставили вопрос, чтобы ее участок вспахали в первую очередь. А что получилось? А то, что с пахотой тянули, тянули и дотянули до середины мая. Все боялись трактор с другого поля перегнать, правильно, Дуся?

— А мы за то боялись кого следует подогнать, — ответила Морозова и покосилась на председателя колхоза.

— Вот я об этом и говорю, Дусенька, — ухватилась Полина. — В других колхозах молодежные звенья полу-

чили высокие урожаи, а нам стыдно было признаться, что имеем такое звено.

— Что стыдно-то, получили все-таки больше, чем на других участках, — заметил все время молчавший председатель сельсовета.

— Иван Васильевич, я ведь и говорю про то, — получить вровень с передовыми, так, чтобы нам не на задворках быть.

— Вот об этом и надо подумать.

— Звено взяло обязательство на 35 центнеров с га, но если мы сорвем их агротехнический план, то нам не помогут и занятия по агротехнике. Об этом сама Морозова расскажет, а я скажу вот что: мне уже совестно перед стариками. Они поговаривают — вы, мол, у нас — молодые хозяева, давайте подумайте своей головой, как урожай хороший получить. Еще стыднее, когда они начинают вспоминать время, когда пахали на лошадях, а получали больше. Выходит по их словам, что машинами землю обрабатывать хуже.

Ботинева говорила о наболевшем, и ее внимательно слушали, потому что это волновало всех комсомольцев, всех колхозников.

— Вот старик Хребтов, отец Нины, говорит, — Полина кинула взгляд в сторону полной розовощекой девушки с золотистыми волосами, — если бы ему колхоз выделил участок, выставил в подмогу людей, дал бы пару лошадей, то он давал бы не меньше 250 пудов хлеба.

Все посмотрели на Дусю Морозову.

Камушек был брошен в ее огород, но она молчала, еще крепче поджав тонкие губы. От нее глаза присутствующих перешли на белолицую Нину Хребтову, как бы спрашивая, правда ли, что ее отец говорит так.

Многие комсомольцы не знали, как реагировать на эту новость. С одной стороны в ней было что-то хорошее, а с другой — какая-то тень. Она говорила: — мечта о высоком урожае волнует не только молодежь, Дуся Морозова и ее подруги не единственные в колхозе и их почин доходит и до сердца стариков. Но старик делал явно вызывающую ставку на лошадей и тем самым при-

нижал роль трактора и машин. Это смущало. Собрание вошло в деловое русло.

Слово взял Миклюхин Саша. Молодой пахарь встал и начал:

— Какой тут может быть разговор о тракторе и плуге. Разве же есть сравнение? Дядя Филипп хоть и заявляет, что он на конях лучше обработает землю, а я скажу, — он от обиды на прошлую неурожайность так говорит; лично я пашу на лошадях, а неподалеку Макеев на «Дизеле» работает. Посмотрю, как он быстро землю кладет в восемь рядков, аж завидки берут. Крикну на свою пару, все хочется побыстрее, а не выходит. У меня две лошадиных силы, а у него целых сорок. Он, глядишь, уже за версту от меня, а я, как единоличник какой-нибудь, тащусь до края, повернусь тихонько и снова назад. Надо бы поглубже взять землю, да боюсь, что буланка не выдержит. Нет, пусть дядя Филипп не говорит зря. Недаром же Полинка идет на поле не ко мне, а к трактору Макееву, — вдруг съязвил Саша.

Все засмеялись. Полина вспыхнула.

— Нечего в личные дела входить!..

— Вот я и говорю, — простодушно засмеялся пахарь, — что за плугом чувствую себя отсталым элементом. Разве это мое дело — пахать простым плугом, но раз надо, я пашу. А у нас в бригаде говорят, — Саша таинственно помолчал, — что нашему комсоргу вредно бывать на тракторе часто. Как только она садится, тракторист почему-то, правда, не знаю, почему бы это, начинает делать огрехи.

В комнате новый смех. Кое-кто начинает весело улыбаться, считая, что кризис кончился, что все пойдет весело, но Миклюхин становится серьезным и голос его требовательным.

— Не следует и нас, пешеходов, забывать. Мы пашем с большим перерывом на обед. В это время можно было бы почитать газету или книжку. Вот и пришла бы ты, комсорг, к нам в бригаду, глядишь, пока лошади кормятся, мы бы поговорили о наших комсомольских делах. Теперь я скажу об урожайном звене. После таких разгово-

ров нам, комсомольцам, нельзя оставаться в стороне. Вся комсомольская организация должна отвечать за работу звена. Провалимся, будет еще хуже, чем в прошлом году. Над нами смеяться будут. Тогда не один Филипп Хребтов скажет про нас «красивое» слово. Я в личные дела комсорга не хочу вмешиваться, но когда они начинают портить наши общие комсомольские дела, надо об этом сказать открыто, мы люди свои и нам стесняться нечего. Полина Ботинева забыла о своем долге. Она забыла, что ей поручили руководить работой целой организации. Пусть она плачет или не плачет, но вывод такой — надо ее сменить.

Дуся Морозова говорит быстро и отрывисто.

— Все знают, как мы с девушками работали и работаем. За прошлый год винить надо себя. Сами виноваты, что молчали. Мы молчали, а председателю колхоза и спокойней. Меньше хлопот. Только обидно, что работа прахом пошла. Землю удобрили, как следовало—2200 возов одного перегноя перевезли на участок, да сколько золы, да птичьего помета сколько!.. Шутка ли сказать, сев закончился только 23 мая. Пшенице пора колоситься, а она только растет. Зерну бы налижаться, а стебель все выше и выше, стал больше моего роста, — она подняла руку над своей головой, — колосище во какой, как у кукурузы. Надо было подкормку сделать и суперфосфат можно было достать. Вот и урожай. Слышите, что старики стали говорить? Выходит, мы не умеем работать. Если бы я не знала, что можно получать хорошие урожаи, я бы не стала упорствовать. В позапрошлый год мы получили со своего участка вдвое больше, чем другие, а в тот год наша участковая земля была слабее прошлогоднего.

Наташа Жаркова, поди, смеется над нами. Еще бы ей не смеяться! Весной, мол, хорохорятся, а к осени затихают. Хвастать и вправду, девчонки, нечем. На совещание в район вызвали, даже ехать не хотелось. Правда, Танечка,—вдруг обернулась она к секретарю райкома,—куда уж, думаю, соваться нам к хорошим людям. Все звеньевые рассказывают, какой славный урожай они собрали,

а я сижу дура-дурой, только моргаю. Хотела просто подняться и уйти, да вот тов. Кашеева удержала.

— А помнишь, что мы с тобой решили?

— Как же не помню, между собой мы уже договорились.

— Какую помощь ты просишь?

— А нам какая помощь нужна? Я скажу. У нас все есть, — Дуся показала на свои руки, — уже пять лет работают. Желание работать тоже есть. Звенем я довольна. Прошу только, чтобы наш агротехнический план не срывался. Правильно, девочки?

— У нас в плане все записано, — Дуся развернула тетрадку. — Перво-наперво, о семенах. На 14 га нам нужно 25 центнеров. Они есть. Мы два раза триеровали их, пропускали через решето, чтобы получить крупнозерные семена первого класса. Сорт неплохой — «Мильтурум 0321». Всхожесть — 93%. Вот у нас есть такой пункт: «Уборка и сжигание стерни и соломы». Разве мы одни сделаем это? На нашей земле в прошлом году был ток. Соломенные клады развалились и заняли всю середину участка. Дмитрий Романович, нельзя ее сжигать? — обратилась она к председателю колхоза.

— Нет, нет! Мы же кирпичный сарай строим. Солома нужна будет. Крыть сарай будем, а потом — на топливо пойдет.

— Видите, значит нужно всю солому собрать и сложить в один-два зарода. Мы уже третий день складываем и еще хватит надолго, и к пахоте подготовить не успеем.

— Успеете!. Мы завтра что-нибудь сообразим. Нет, сегодня же и придумаем, — Дмитрий Романович хитро посмотрел на «запечников».

— Мы уже и перегной разбросали по полю, а на солому его бросать все равно что на ветер. Обидно!... В этом году мы молчать не будем — хватит!

— Дуся, расскажи, как наш участок пахать начинали.

— Я совсем забыла. Просто безобразие какое-то. Работаем это мы на соломе. Земля еще вязкая, а у нас и вовсе. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется «Дизель».

Заехал и начал полосовать наш участок. Вижу — происходит нарушение всех наших планов. Что делать? Мы кричим: убирайся с участка, не порть землю, а тракторист только зубы скалит — у меня, говорит, свой план. Мы уже хотели вилами его пугнуть, да спасибо, что земля сама не далась. Он немножечко подвяз в низине, должно быть, испугался и переехал на соседнее поле. Говорю душевно, если наш нынешний план не сорвется в посеве, то мы обязательно дадим 200 пудов.

— А как думают остальные члены звена?

— Мы вместе думали. Раз Дуся говорит, значит и мы также.

Следом выступила Ботинева Тася, давнишний член молодежного звена, пережившая вместе с Дусей и радость первых удач и горечь последней неудачи.

Общие интересы требовали, чтобы она выступила против своей сестры.

— За последнее время Полина стала какой-то сторонней, будто ее и не касаются наши дела. Если работать, то уж работать, как следует, а место занимать нечего.

Выступили почти все комсомольцы, кроме «запечников», молчавших потому, что за ними тоже немало грешков накопилось. Они как бы предчувствовали, что собрание дойдет еще до них, потому что выступавшие уже бросали в их сторону всякие обидные слова.

Кроме комсорга, досталось и председателю колхоза. Ему не могли простить прошлогоднюю неудачу Морозовой, а случай с нынешней пахотой на ее участке давал повод предполагать, что и нынче будут выкидываться всякие фортели, нарушающие агротехнический план. Председателю колхоза пришлось снова брать слово и оправдываться.

— Дусенька, — начал он тихо и смиренно, — в прошлом году я действительно прошляпил. Затянули мы с пахотой, оправдываться нечего. Говорила мне звеньевая, да как-то не вышло. А вижу я, что дело это серьезное, нужное, недаром таким людям правительство ордена дает и героями величает. Выходит, Дусенька, что ваш звеньевой орден мы от вас по случайности отвели. Честь бы-

ла бы не только звену, а и всему колхозу. Теперь надо целиться дальше, чтобы все звено было достойно награды. А нам, остальным, нужно сделать так, чтобы все, старые и молодые, равнялись по звену. Если вы соберете 200 пудов, то нам со всех наших трехсот га надо собрать по сто. Правильно, Иван Васильевич, я говорю? Председатель сельсовета утвердительно кивнул головой.

— А без этого и огород городить нечего.

— Разве плохие наши ребята, — продолжал он, окидывая взглядом присутствующих, — золото наши ребята! Вы теперь у нас главная сила, так давайте хозяйствовать, как следует. Все, что мы сделаем, — наше. Не на кого-нибудь работаем, а на себя. Все в наших руках. В прошлом году у нас не было «Дизеля», а нынче нам его дали. Во имя хорошей урожайности дали. А на будущей годок, глядишь, новенький трактор явится. Где-где они уже есть — наши, новенькие, послевоенные!

Дмитрий Романович передохнул — и в сторону печки:

— Обидно видеть, что некоторые комсомольцы плохо работают. Начать хотя бы с комсорга. Мы выдвигали ее, помогали ей, а она в кусты смотрит. Следом за ней и другие туда же. Почему сегодня задняя скамейка молчит? — стыдно говорить. Сами-то они на работу не выходят. Тут комсомольское звено с соломой не управляется, а товарищи дома сидят. Что же это получается?! Мы вас растим, а вы у нас — под откос. На кого надеемся, молодые хозяева?

Председатель разгорячился, на лбу выступили маленькие росинки. — В районе нам предлагают посаденцы для колхозного сада — яблони, вишни, малину. «Берите, говорят, садите! на четыре гектара дадим». А я боюсь слово давать. Не мне же самому садить его, а места у нас хорошие. И от морозов и ветров есть защита. А знаете ли вы, какое богатство колхозный сад? Мы живем не один год. Долго жить будем, а жить надо богато и красиво. А чья инициатива должна быть во всем? — Комсомольцев.

Судя по тому, как его слушали, можно было заключить, что комсомольцы принимали слова Дмитрия Рома-

новича близко к сердцу. После его выступления речи других были горячее.

Председателю собрания, скромному Коле Заворину, трудно было управлять разом хлынувшими страстями.

— Товарищи, давайте сначала решим один вопрос, а потом перейдем к другим.

Большинство высказалось за смену комсорга. Время было уже позднее, но никто не замечал этого. Стали выдвигать кандидатуры в пополнение состава комитета. Две девушки побежали за избирательной урной, чтобы провести голосование по всем правилам. Вскоре ее принесли и поставили посередине комнаты. Это обстоятельство придавало комсомольским выборам особенное значение.

Вопрос о колхозном саде откладывать не стали. Все единодушно высказались за его разбивку в эту весну. Председатель сельсовета напомнил:

— Смотрите, товарищи, за большое дело беремся.

— Справимся, справимся, Иван Васильевич, — зашумела молодежь.

Решили организовать несколько воскресников для расчистки площадки, привлечь к этой работе всех домохозяек, не работающих в полевой бригаде. Чтобы затея не ограничилась одними разговорами, стали думать — кому бы поручить эту работу. Чей-то робкий голос предложил кандидатуру разжалованного комсорга. Она приняла это предложение с радостью.

Так был решен еще один важный вопрос. Комсомолкам, делавшим прогулы, предложили в это же утро выйти на работу — или организация, сказали им, примет самые строгие меры. Больше всех досталось Мешуевой Маше. Маша встала и громко сказала: — Завтра же выхожу.

— Нет, уже сегодня, — сказала Таня, заглядывая на ручные часы.

— Дуся, всех их утром поведешь на солому, — строго сказал председатель.

Было далеко за полночь, но никто не собирался уходить. Говорили еще о стенной газете, о боевых листках, о полевой библиотеке. Председатель сельсовета недав-

но вернулся из соседнего колхоза «Восток» и с довольным видом рассказывал, как его поймали там в ловушку комсомольцы.

— Можно сказать, они у меня из рук вырвали деньги на оборудование красного уголка и покупку новых книг. Разве таким откажешь, когда знаешь, что на хорошее дело просят.

Ночь была тихая, тихая. Над холмами висело легкое, бледновато-голубое небо, украшенное стеклярусом звезд и тонким трепетом едва заметной зари. Друзья и подружки разделились на группы и стали подниматься по склонам семи холмов. Вдали тонко дрожала гармонь...

*
**

Рано утром председатель колхоза очень приободрился, когда увидел, что «запечные» пришли на раскомандировку.

— Вот тебе и рабочая сила, Дусенька, — хлопотал он, оглядывая смущенных девушек, — бери их в свое звено и не давай покоя до тех пор, пока не войдут в настоящую колхозную норму. Убрать до соломинки.

— Дядя Дмитрий, а где мы вилы возьмем?

— Достанем!.. — кричал дядя Дмитрий, убегая в сеник.

В полчаса все звено было вооружено железными вилами. Вскинув их на плечи, девушки пошагали по склону горы к деревянному мосту над извилистой речкой, тихо скользившей меж голых прутьев тонкого ивняка. Одна из девушек остановилась у обветренных перил, вглядываясь в извилистые очертания илистых берегов, почти готовых сойтись.

Воздух был свежий, небо голубое, чистое. Над горизонтом, рассеивая розовые стрелы, медленно и спокойно всходило солнце. Казалось, что оно выкатилось на холм и остановилось в нерешительности. Покатиться ли ему по крутому склону, или подняться над ним. В природе наступила минута такого удивительного равновесия, когда кажется, что нет уже силы, чтобы сдвинуть с места отяжелевшее пламенно-яркое светило.

Розоватый отблеск зари касался девичьих щек, за-
жигая их тонким румянцем, еще больше подчеркивая
их юность.

Девчата шли низом по левому берегу к подножью
горы. Участок Дуси Морозовой начинался от переднего

склона. Была видна разваленная солома и черная лента неудавшейся пахоты. У подножья горы, где шли девушки, был когда-то пригон скота. Отсюда брали перегной для участка — видны глубоко выбранные слежавшиеся пласты замечательного удобрения.

Девчата уже миновали земляные выемки и поднялись на гору, где сразу же открылся весь участок. По полю был разбросан комковатый перегной. Кое-где комки были велики и Тася Ботинева стала на ходу разби-

вать их вилами. Все остальные сделали то же самое. Широко расступившись шли они так до самых скирд.

Отсюда были видны дальние поля, подернутые легким сизоватым туманом. Зеленые полосы озими перемежались с черными лентами свежеспаханной земли. Деревня стояла значительно ниже, и поэтому виднелись все такие же белесые, пока что пустынные склоны холмов. Верилось, что они покроются плодоносными деревьями колхозного сада. Зацветут яблони и вишни. Закустится красная и черная смородина. А осенью между трепетных листьев яблонь будут проглядывать крутые созвездья розоватых плодов, круглых и сочных в светлых дождевых капельках, теплых и свежих.

**

Старики предполагают, что это лето будет сухим — поэтому нужно как можно больше удерживать в земле влаги. На полосе в четырнадцать га видны поперечные канавки, когда-то сделанные для задержания талых вод. Если бы не они, вся бы вода могла уйти по склону горы к «Дергунчику». Но, несмотря на кропотливость этой работы, звено во-время сумело остановить внешние воды на всей площади. Растения усваивают такую пищу, которая легко растворяется в воде. Поэтому с талыми водами могла бы уйти эта ценная пища растений.

Об этом девушки узнали из бесед с агрономом. Однажды он собрал их в контору и спросил прямо: «Высокий урожай получить желаете?» «Желаем!» — ответили они. «Тогда давайте заниматься агротехникой».

С тех пор они начали еженедельно собираться в конторе. На третий раз он привез книжку академика Вильямса «Основы земледелия» и вручил звену со словами: «Подружитесь с этой книгой. Что непонятно будет — объясню». Сначала не все было ясно в ней. Трудно было, но девушки не отступили.

Академик Вильямс говорит, что мы можем управлять двумя факторами жизни растений: пищей и водой. Они должны притекать к растению одновременно и непрерывно. Если в почве будет много воды, но мало пищи, то

стебель будет работать вхолостую, а если у растения будет много пищи, но недостаточно воды, оно выгорит. После этого стало понятно, почему в прошлом году их пшеница «работала вхолостую». Полина Ботинева, у которой была эта книга, однажды, прочитав две-три страницы, прибежала к Морозовой и закричала с порога:

— Растением надо руководить!..

— Как руководить? — недоумевала та.

— А вот так! — и подружки снова принялись за книгу. На следующий день приехал агроном и долго беседовал с девушками. С тех пор прошло почти полгода, и многое стало более понятным.

В прошлом году участок звена получил очень много удобрений, а в этом году земле добавлена почти половина прошлогодней нормы. И если в ней будет не хватать влаги, то может появиться вторая опасность, о которой пишет ученый. По прошлогоднему опыту девушки знают, что одним удобрением земли высокого урожая не получишь, если не побеспокоишься о влаге.

В звене после этого прижилась песенка водовоза. Зайдет разговор о снегозадержании, кто-нибудь пропоет:

«Потому что без воды
И ни туды и ни сюды».

А когда началась задержка талых вод, то на мотив этих частушек была придумана своя:

Чтоб не смела убегать,
Влагу надо задержать.

Запас воды в почве должен быть не только большим, но и постоянным. Когда удается задержать талые воды, то они, достигая подпахотного слоя, в своем движении по наклону встречают большое сопротивление земли и движутся очень медленно. Чуть ли не на все лето растягивается это движение воды, подновляемое летними дождями, — пишет академик.

Однажды ранней весной члены звена обошли свой участок и убедились, что склон, идущий к речушке, может потерять влагу очень быстро, поэтому задержку воды начали с этого склона, поднимаясь на возвышенность.

Задержка талых вод кроме этого имеет и другое значение. Вильямс считает, что весной наши реки, при огромном скоплении воды, не успевают выносить свои воды в моря, поэтому каждый новый разлив или новый летний паводок наносит новое количество песка. Реки засоряются, а летом уровень воды резко падает, не получая нового притока. Этому способствует бесструктурность почвы, т. е. отсутствие в ней комковатости. Вешние воды очень слабо вбираются такой почвой и обычно уходят по ее поверхности. А когда сходит вода, на таких землях происходит очень быстрое испарение. Почва начинает при этом растрачивать влагу нижнего слоя — основной запас воды, который при структурной почве расходуется равномерно. На бесструктурных землях урожаи целиком зависят от дождей.

Советская наука оперирует не отвлеченными теориями, а исходит из жизненной практики. Девушка, стоявшая утром на мосту через речушку, не зря глядела на ее илистые берега. Она вспомнила слова ученого о том, как влияет почва на уровень воды в реках.

Структурность окрестных земель могла бы положительно влиять на водную систему Черепановского района. Маленькая речушка, единственная в районе, с каждым годом все больше и больше захламляется илом, берега ее сужаются. Улучшение качества окружающих земель не только обеспечит постоянство высокого урожая, но и постоянство уровня воды в «Дергунчике». Во время войны колхозы очень мало обращали внимания на это, но при переходе к мирному труду улучшение качества земель становится первостепенной задачей, иначе нельзя быть уверенным, что урожаи не будут колебаться в зависимости от погоды.

Результаты, достигнутые молодежными звеньями высокого урожая, являются лучшим примером того, как советская наука, поставленная на службу колхозному хозяйству, помогает добиваться высоких урожаев. Девушкам звена все чаще приходится обращаться к советам агронома, а иногда и самостоятельно к книжке по агротехнике. Это стало необходимым. Практика показала им,

что знание свойств и влияния химических удобрений на растения может помочь во время исправить ошибки. Когда в прошлом году поздно посеянной пшенице грозила опасность невызревания, можно было ускорить этот процесс внесением в почву фосфорных удобрений. Но тогда девушки еще плохо разбирались в этом. Только теперь, наученные горьким опытом, они знают, что, внеси они тогда в почву суперфосфат или двойной суперфосфат, результат был бы другим.

Чтобы избежать прошлогодних ошибок, Дуся Морозова с подругами после долгих бесед с агрономом и опытными колхозниками составили агротехнический план полевых работ.

В минуты короткой передышки после скирдования соломы девчата уселись на солнечной стороне, и самая маленькая в группе, белобровая Маня, прикинув осторожным взглядом громадные скирды наполовину собранной соломы, вздохнула мечтательно.

— Если бы всю эту солому сжечь, то сколько бы золы пришлось нашему участку.

— А нам бы не ворочать ее, — заметила новенькая.

— Очень вы хозяйственные, барышни, прямо слушать приятно, — иронически замечает старшая, покусывая соломинку.

Она привалилась спиной к валику и смотрит мимо своих подружек в огромную котловину под горой, затем переводит свой прищуренный взгляд за овраг, где к полудню, появился белый остов кирпичного сарая.

— Вы лучше скажите мне, не рано ли мы разбросали перегной. По плану-то полагается разбрасывать за день до пахоты, — она вытащила из бокового кармана брезентовой куртки вдвое свернутую ученическую тетрадь, аккуратно разлиннованную и всю испсанную крупным неровным почерком.

— Вот смотрите. — Девушки придвинулись к ней, заглядывая в тетрадь.

После уборки стерни и соломы должен быть завоз минеральных удобрений, но бог с ними с удобрениями,

они могут подождать до 2 мая, все равно их нужно рассеивать по паханному, а вот с перегноем — поторопились — Ну, и как же теперь?

— Надо быстрее кончать с соломой и начинать пахоту.

От кирпичного сарая пришли две подводы. Их пригнали два подростка. Без лишних слов они подвернули к валкам соломы и один из них, рыжеволосый и конопатый, серьезно посмотрел на отдыхающих и сурово спросил:

— Лежите?..

Второй, черноволосый, как маленький галчонок, поднялся на телеге и закричал, изображая какого-то местного руководителя: «Вы мне план срывать?! Давайте немедленно два воза соломы, а то поставлю вопрос!»..

Вопроса он не поставил. Его немедленно стащили с телеги и выкатили на соломе. Только после этого солому начали подавать. С каждой минутой воз вырастал, и мальчишка, принимая солому, поднимался все выше, улыбаясь от удовольствия.

К вечеру вся солома была сложена в две длинные клады. Группа девушек стояла рядом и оглядывала сделанное. В лучах заходящего солнца клады походили на два огромных сказочных чудовища, желтых и косматых, смиренно поджавших лапы и покорно склонивших свои головы перед девушками. На бледносером фоне блекнувшего неба отчетливо вырисовывались длинные, причудливо изогнутые, взъерошенные спины кладей.

Поле было готово для обработки. Звеньевая решила сегодня же пойти к председателю и просить, чтобы пахоту начать завтра же.

— Откладывать нечего, — решила она. Девушки вскинули на плечи вилы и пошли под гору к речной переправе.

Через два дня вечером, когда солнце тронуло край земли, рекордный участок Дуси Морозовой выглядел по-иному: все поле от косогоров до перелеска было черно

и массивно. Две клады прошлогодней соломы, окруженные чернотой, выступали отчетливей, напоминая все тех же сказочных чудовищ. А поле, разливанное ровными клеточками, действительно напоминало их. Сегодня по нему прошла дисковая сеялка. Девушки стояли на меже и глядели на свой участок. Все молчали. Никто не смел нарушить торжественное молчание. Самая младшая из них беленькая Маня уже по привычке ждала первых слов от руководительницы, поглядывая на неё со стороны. Но Дуся Морозова молчала, не отрывая взгляда от поля. Она положила свои руки на плечи стоявших рядом подруг. Глубоко вздохнула и улыбаясь сказала:

— Посеяли!..

Маня как будто только и ждала этого сигнала, чтобы просиять. Тася Ботинева смотрела на поле из-под ладони и заключила, что нынче у них красивее получилось.

— Посмотрите, как ровненько — клеточками.

— Пойдемте на солому, — вдруг позвала Заворина Шура.

— Пойдемте, — согласились другие и, осторожно ступая, словно боясь нарушить ровные линии, перешли поле и уселись у кладей лицом к заходящему солнцу. Когда расселись и успокоились, Тася попросила подругу:

— Достань-ка, Дуся, наш план.

Морозова достала свою тетрадочку, перевернула страницу и начала читать:

«С 28 апреля по 29 апреля — произвести пахоту на глубину 20—22 см, боронование произвести следом». Прочитав это, она достала из кармана огрызок карандаша и, положив тетрадь на колено, вывела: «сделано».

— Слушайте, читаю дальше: «Произвести рассев золы и минеральных удобрений. Делать вручную перед культивацией. До внесения в почву удобрения смешать и просеять через решето. Всего — 20 центнеров золы и 42 центнера минеральных. Нормы — на один га давать 2 центнера суперфосфата и 1,5 калийных солей». Дуся уже положила тетрадь на левое колено и хотела написать «сделано», но вдруг услышала:

— Не все сделано!

— Как так?

— Да так, не все, — упрямылась Тася, — золы у нас меньше было. Это — раз. А куриного помета совсем не было — это два.

— А его у нас и в плане не было — это три, — в тон отвечала звеньевая.

— Вот и плохо, что не было. Зачем добру пропадать.

— А что ты хочешь?

— Да хочу, чтобы у нас ничего не пропадало. Давайте накажем всем колхозникам, чтобы не выбрасывали зря, а собирали. Какие-нибудь ящики сколотить для этого и поставить в каждый двор. Разве трудно?

— Что правда, то правда, но давайте все-таки запишем, что «сделано».

Записав это, звеньевая продолжала читать: «Произвести культивацию на глубину 8—10 см поперек пахоты» — тоже сделано, возражений нет?

«Произвести предпосевное боронование, — торжественно читала звеньевая, — делать поперек пахоты в 3 следа». Ты не пойдешь против, — обратилась она к Тасе, — если я напишу — «сделано». Нет? Договорились! — Ее карандаш сделал еще одну пометку. Потом она оглядела всех и попросила — слушайте внимательно, начинается самое главное. «Произвести посев с нормой высева 180 килограммов на гектар. Заделку семян делать на глубину 6—8 см. Посев делать перекрестным способом». Сделано? Сделано! — отвечала звеньевая самой себе, — так и запишем.

— Дусенька, а что за нами еще значится?

— Не торопись, Маша, не торопись. «С 6 по 7 мая — прокатать поле конным катком». Кто будет делать?

— А зачем? Сейчас оно красиво! — недоумевала одна из девушек. На что звеньевая прочитала примечание: «Это придаст земле структурную прочность. Будет меньше теряться влаги». Ясно? То-то... А дальше идет такая работенка, с которой нам одним не справиться. Придется идти с поклоном к Дмитрию Романовичу, чтобы людей дал.

— Мульчировать? Как там?

«Размельченный перегной разбросать по полю — равномерным слоем толщиной в 2—3 см. Норма — 15 тонн на га».

— Ой-ой! Где же нам справиться!

— Делать будем не на всем участке, а только на восьми гектарах.

— Все равно много.

— Много не много, а делать надо.

— А дальше что?

— Дальше идет боронование всходов. Попробуем сделать нынче на шести га. Для опыта, значит. Посмотрим, как пойдут всходы. Если на земле не появится корки, то боронить не будем. Тут дело серьезное, можно повредить росту. Агроном говорит, что если земля совсем чистая, то боронить не нужно и опять же, если очень сорная, то боронить вредно. Вот и рассуди.

— Солнце уже закатилось. С каждой минутой становилось прохладней, но девушки все не уходили, лишь плотнее прижимались к соломе и продолжали деловой разговор.

— Скоро будем ждать от зернышка восточку — зеленого росточка. Он, поди, уже сейчас наклевывается.

— Только посеяли, а у тебя уже наклевывается. Какая ты быстрая.

— Погода-то теплая стоит.

Дуся немножко не дочитала свой агротехнический план, а там значилось еще несколько мероприятий, о которых все девушки и без того хорошо помнили. Можно ли забыть, что, не в пример прошлому году, нужно будет произвести подкормку растения суперфосфатом и калийной солью. Они знали свой план на зубок и могли бы в любую минуту сказать, что суперфосфата следует давать 2 центнера на га, а калийной соли наполовину меньше. Они также знали, что этим работа на участке не заканчивается. Как только подрастет пшеница, нужно будет произвести обкашивание сорняков, а прополку сделать до выхода стебля в трубку, а потом надо будет обкашивать вокруг участка все сорняки до их цветения. Все это они помнили, уже не заглядывая в свой план, где в конце

крупными буквами было выведено: «Получить с каждого га 210 пудов пшеницы!» Каждая из них поставила под этим свое имя.

**

— За это я и ругаю наших плугарей, — ворчал бригадир полеводческой бригады, шагая за телегой, время от времени прыгавшей на комковатых пластах развороченной дороги, — не умеют они из борозды выходить вежливо. Или поднимают плуг раньше времени, или запоздают и тогда исковеркают всю дорогу. Аккуратности нет. Будто ему полосы мало, дай прихвачу дорогу.

При каждом ударе на телеге вспрыгивал ящик, наполненный отсевами овсяной муки на мешанину для лошадей и волов. На ящике сидел шестилетний сын бригадира в маленькой шубейке и большой шапке, то и дело съезжавшей ему на глаза. Мальчик обеими руками держал вожжи с чувством горделивой важности.

— Сашок, возьми левее, а то завязнем.

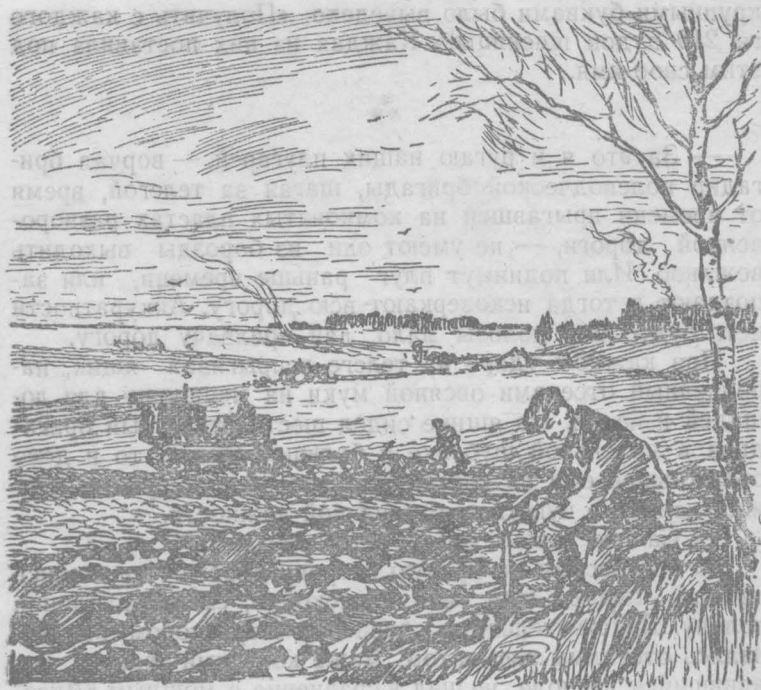
За перелеском по правую сторону дороги показались пахари. Лошади шли тихо и спокойно, слегка наклонив голову. Действительно, в сравнении с трактором, они казались отсталым элементом. Даже колесный трактор, появившийся на поле, не шел в сравнение с мощным «Дизелем».

Бригадир приглядывался к пахоте и о чем-то думал. Когда на вспаханном поле показалась группа волов, запряженных в бороны, он заулыбался...

— Время горячее, тут уж некогда разбираться, хоть барана запрягай.

В посевную было впряжено все. Мощный красавец «Дизель» — последнее слово техники, немного спустя, колесный трактор «Универсал», затем конная упряжка и волю. На поле были представители разных эпох.

— Почти как на войне, — шутил бригадир, — все работает, начиная с винтовки образца 1901 г. до «Катюши». Нам надо молиться на трактор. Он — вроде нашего сельского бога. Вся надежда была на него. Что бы мы без него делали, ума не приложу.

На светлой солнечной поляне, окруженной березовой рощицей, стоял высокий пятистенный дом с большими окнами, обращенными к южной стороне. К теневой стороне дома примыкал широкий тесовый навес, где хранилось все полевое бригадное хозяйство. Неподалеку дымился таган. За ним стояли кормушки.

От прокопченного бригадного котла поднимался густой, соблазнительный пар. Худенькая девушка с бесцветными прядями, выглядывавшими из-под коричневой косынки, в рабочих ботинках и полосатых шерстяных чулках, хлопотала вокруг котла. Когда бригадир подошел к ней, она вскинула на него большие голубые глаза и, продолжая шуровать в котле, спросила: — Привез?

Он утвердительно мотнул головой, и тогда молодая повариха, улыбаясь и размахивая густыми сборками юб-

чонки, побежала к телеге. У кормушек стояли две матки с жеребятами. Один был белый с черным пятнышком на груди, другой — рыженький. Последний будто нехотя подошел к матери, приткнулся к вымени и, громко чмокая губами, долго и лениво сосал. Мать спокойно жевала сено, время от времени кося теплый глаз на своего малыша, который, закончив несложный питательный процесс, так же непринужденно пошел к своему беленькому другу, весело помахивая пушистым хвостом. Здесь эти жеребушки — общие баловни. Они привыкли к людям и чувствуют себя совершенно безбоязненно.

Колхоз поставил задачу в ближайшие 2—3 года достигнуть довоенного лошадиного поголовья. Если ежегодный прирост будет равен нынешнему, то задача будет разрешена. Снова вошла в силу комсомольская традиция — шефствовать над лошадьми. Недаром пахари в бригаде дают больше нормы.

В бригаде, как и в рекордном звене Дуси Морозовой, люди полны решимости собрать хороший урожай. Если звено соберет по 200 пудов с га, — рассуждают они, — то нам на малость надо собрать половину. А если мы соберем столько, то хлеба государству и нам хватит. Поработаем, как следует — будем с хлебом.

Весной вся колхозная жизнь переносится в поле. Не будешь же бегать каждый вечер и утро в деревню по 6—7 километров, когда в поле имеется с любовью оборудованный культстан. В двух больших перегороженных комнатах чистота и порядок. Стены выбелены. На стенах — портреты, плакаты с призывами бороться за большой урожай. В женской половине в переднем углу висит боевой листок, написанный от руки, но крупными печатными буквами. На листке — любопытная карикатура. Пахарь, идя за плугом, обращается к лежащему на меже лодырю:

— Что ты лежишь здесь, ведь земля ухода требует.

— Вот я и собираюсь уйти, — лениво отвечает тот.

Внизу красным по белому: «Позор лентяям!».

Здесь же на маленькой полочке лежат книги с потертыми корочками: «Бруски» Панферова и «Поднятая

целина» Шолохова. Третья до того зачитана, что уже невозможно узнать автора. Девчата более аккуратны, чем ребята. У последних на полке — один разъединственный «Блокнот агитатора» и две уже оборванные на самокрутки газеты. После комсомольского собрания Полина Ботинева, теперь уже только избач, отобрала для бригады еще несколько книг и обещала к обеду принести вместе со свежими газетами.

В комнате девушек намного чище и уютней. На окнах — белые бумажные занавесочки с причудливыми вырезками, на столе — скромные, но чистые покрывала. Дотошная бригадная повариха, забежавши на минутку в комнату, со смехом сообщила Тане Кашеевой, что если бы они, девчата, не взяли шефства над соседней комнатой, то она не походила бы на комнату.

— Мы своих ребят держим вот как, — и она показала свой маленький кулачок, дескать, вот где мы их держим. Она тут же высказала все свои поварские обиды.

— Продукции мало. На меня возложили всю заботу по части калорийности. На тебе, Зина, мол, вся питательная часть, — она удивленно повела плечиками, — будто я фокусница какая-нибудь. Выкручиваюсь! Варю шурум-бурум всякий, какой попитательней. Сначала носом дергали, а сейчас привыкли, даже похваляют. Ой, заговорила!.. Поди, все калории из котла повыскакивали. — Она шмыгнула в дверь так же быстро, как и появилась.

Обедали под открытым небом, между берез, расположившись небольшим кругом вокруг котла. Зина большой деревянной поварешкой с маленькой щербинкой разливала суп. Девушки кушали сидя, подобрав под себя ноги, а парни полулежа на боку. Сама же повариха в перерывы между выдачей сидела в стороне и, оглядывая обедающих, проверяла впечатление, произведенное мясным супом. Все торопились кушать, некогда было восхищаться. Зина даже разочаровалась в своих едоках.

Один из пахарей, опорожнив миску, с лицом, изображавшим комическое смирение, поднял вверх руку, как

поднимают за столом в детских яслях дети, и, подстраиваясь на их манер, попросил:

— Тетя Зина, можно добавошно....

Получив «добавошно», наклонился и стал продолжать еду.

На дороге показалась Полина Ботинева. Она несла сверток книг. Увидев ее, ребята перемигнулись. Миклюхин бросил: «подействовало!» — и, довольно улыбаясь, стал дуть на горячую ложку. Остудил, хлебнул, отставил чашку и, опираясь обеими ладонями о землю, резко оттолкнулся. Встал на ноги.

— Милости просим, Поля, — улыбаясь раскланялся пахарь. — Что принесла?

Гостья, чтобы скрыть неловкость, долго и старательно очищала свои сапоги, делая вид, что она ничего не видит и не слышит. Саша подошел к ней, взял пакет — она отдала его не глядя — и понес в круг. Сел на землю, широко раскинул ноги, поставил перед собой пакет и стал развязывать. Тогда Полина подошла прямо к нему, на ходу кивая другим.

— Не развязывай, вот сдам Зине — она и будет выдавать.

— Мне? — вспрыгнула Зина.

— А кому же! Если за ними не присматривать, они их перервут все.

— Опять мне. Все на меня, — сокрушалась Зина, — сначала я только о желудках ваших беспокоилась, а теперь мне и головы ваши поручили подкармливать. Хорошо, учтем!

Она взяла сверток книг и побежала с ними в свою девичью комнатку. У порога остановилась и закричала:

— Под расписку получать будете.

— Какой бюрократизм! — всплеснул руками Саша.

— Возьми газету, — подала Полина. — Сам читать будешь?

— Можно и самому почитать, а ты садись рядом — послушай.

Полина рядом не села, а пошла к девушкам. На первой странице газеты виднелся снимок трактора с тремя пятикорпусными плугами.

Саша начал читать. Все слушали внимательно. Особенно заинтересовал слушателей спор между министрами. Когда Саша на минуту остановился, бригадир, сидевший напротив, вдруг в недоумении сказал:

— Ну, что они спорят с Молотовым, ведь правильно он говорит. Неужели они там малограмотные какие?!

Ребята рассмеялись, удивляясь наивности бригадира.

— Поэтому они и спорят, что наш министр правильно говорит.

— Ну, взял бы, плюнул на них и ушел домой.

Это неожиданное решение сразу же вызвало шумные возражения.

— Уходить нельзя, — сказала Ботинева.

Комсомольцы, бывшие на последнем комсомольском собрании, понимающе улыбнулись.

— Они там без Молотова таких делов наделают, что не расхлебаешь потом.

— Кроме Молотова там, поди, все — буржуи. Как это он с ними разговаривает?! — удивился вихрастый бороноволок, — я наверно наговорил бы чего-нибудь этому американцу.

— Что ты, Гринька, разве можно. Мы люди культурные, советские.

— А что они, Югославия воевала? Воевала! А почему ей ничего не дают?

— Потому и не дают, что она за нас держится. И за кусок хлеба американцам не продается. Понимаешь?

— А мы-то на что?

— Вот Молотов об этом и говорит, а мы знать должны.

— Что знать?

— Землям этим — Югославии, Албании, Польше да и другим помогать надо, чтобы их Америка не прибрала к своим буржуазным рукам.

— Конечно, помогать надо, а то как же.

— Вот нам и трудно сейчас. Себе надо много, да и помочь надо. Без помощи они не сдюжат, и выйдет, что люди напрасно кровь проливали.

— Тогда выходит — мы за все в ответе.

— Конечно, за все.

— Мы пример всему?

— Конечно, пример.

Гриша откинул свою белую вихрастую голову, поджал губы и замолчал, может быть смутно догадываясь о том, что его маленькая судьба связана с судьбой целого мира и что его невеликий труд влияет на судьбу какого-нибудь далекого югославского мальчика, живущего в Триесте или где-нибудь на юге Франции.

— Сильных никто не тронет, — сказал он гордо.

— Силу копить надо, — вставила Зина, подливая остатки супа в чашку усердного пахаря.

— Пахать надо, — сказали пахари.

— Боронить надо, — добавили бороноволоки.

— Сеять надо, — заключил бригадир и поднялся.

**

От полеводческой бригады колхоза «На Ленинском пути» совсем близко до колхоза «Восток», где работает звено комсомолки Наташи Жарковой. Пахари, переезжавшие на новый участок, показали Тане кратчайший путь до села.

Ее знали почти все молодые и старые колхозники. Когда пахари свернули в ложок, а ей предстояло идти прямо, ребята обернулись и закричали:

— Таня, обязательно приезжайте к нам.

— Приеду, когда шибко разбогатеете...

— Осенью на праздник урожая.

— Обязательно!.. — Секретарь райкома комсомола махнула ребятам и долго потом не могла согнать улыбки со своего лица. На ее бледном худеньком лице светились большие серые глаза. В сапогах и ватной куртке с руками, заложенными в карманы, она походила на подростка.

— Какие хорошие ребята, — подумала она и вздохнула. — А подойти к ним иногда бывает трудно.

Она могла бы рассказать несколько интересных случаев из своей практики комсомольского руководителя. Дело было еще в первые годы войны; тогда ей шел семнадцатый год. Ее выдвинули на комсомольскую ра-

боту в райкоме. Приезжает она в один колхоз, где после ухода ребят в армию комсомольская организация фактически почти перестала существовать. Приглашает она молодежь в избу-читальню. Ребята, в большинстве еще подростки, молодые девушки приходят, как и полагается, с гармонью и кудрявеньким гармонистом.

Как начинать свой первый разговор — не знает. Завернула очень громкую речь, посмотрела, а в читальне — почти никого. Осталось всего два или три человека, все же остальные ушли за гармонистом и веселятся себе у крыльца. Выходит Таня на крыльцо, — глядит, какой-то паренек, заломив шапку, подходит к ней и вызывает на пляску. Долго не думая — пляшет!... Отплясала, как полагается, со злостью на себя и на них, видит — кое-кто остался доволен. Один паренек решил посмеяться, подошел к ней и что-то сморозил, а она ему: ты, мол, на деда Щукаря походишь.... Стали спрашивать про деда Щукаря, она рассказала. Ребята долго хохотали, а после этого снова вернулись в избу-читальню и провели настоящее собрание, по всей форме.

— Был и другой случай, на вязке снопов. Это уже в сорок пятом году. Явилась она в колхоз «Память Ильича». Приходит утром на раскомандировку. Поздно, а вязальщиц еще мало. Рядом стояли женщины, Кашеева сказала им об этом. Одна страшно обиделась. Много, говорит, вас — пальчиком показывать. Пошли бы да повязали, так язык бы, наверно, привязали. В этот день ей было некогда. Пообещала притти на другое утро. На завтра пришла раньше и услышала такой разговор:

— Городская-то, поди, еще дрыхнет?

— Здесь, — отвечает другая.

Пришли на поле. Разделились по лобогрейкам. Давно не работала. Боязно стало. Начала вязать один сноп, подняла его, а он возьми и развалился. Спасибо, что близко никого не было. До обеда наработалась так, что спину разогнуть не могла. Женщины сели обедать, а у нее с собой ничего не было. Сидит на снопу как Золушка. Глядит, подходит та, которая обиделась на нее. Пойдем,

говорит, обедать вместе. Не сердись на меня, я не со злом сказала. Подружились они потом. Женщина оказалась очень доброй и работящей.

Бывало и хуже. Послали однажды райкомовцы своего инструктора в тракторную бригаду. Приехал он и видит, что трактор не работает. «Почему стоите?» — спрашивает. Тракторист очень серьезно отвечает: — «Неудача у нас. Искра в колесо попала, а найти не можем».

Простодушный паренек, под хохот тракториста и плугарей, полез под колесо машины искать «искру». После этого ему трудно было вести с ними деловой разговор.

Солнце поднималось все выше и выше...

От земли шли еле видимые испарения, при легком колебании воздуха похожие на тонкую паутину. В редкой прошлогодней траве, поседевшей под снегом, пели жаворонки. Они поднимались в ясное, солнечное небо и в радостном трепете, захлебываясь своей птичьей песней, застывали на одном месте, после чего вдруг складывали свои маленькие крылышки и падали к сухой траве. В воздухе стоял легкий запах весенней гари. На много верст вокруг, охватив полукольцом село, стояли высокие дымовые столбы с буроватыми языками пламени у основания. Этот огонь имел большое значение — вместе с прошлогодней соломой сгорали сорняки и вредные насекомые.

За глубоким, широким логом, полным цветущими вербами, на склоне соседней горы завиднелись первые дома.

Колхоз «Восток» лежит более собрано, чем колхоз «На Ленинском пути». В ровных линиях широких улиц нет щербинок, часто встречаемых в других селах. Вокруг, да и в самом селе, много деревьев — берез и тополей. А в палисадниках — черемуха, густые кусты черной смородины и малины. Малинники не редкость и в огородах.

Посередине села, разделяя его на две части, раскинулся небольшой пруд. У пруда — два бассейна и два уровня. Первый уровень, более высокий, замыкается пер-

вой плотиной, дающей лишь небольшой сток воды во второй бассейн, отгороженный от близкого оврага более высокой деревянной плотиной, заваленной сверху землей и соломой. У небольшого водопада, пониже плотины, играют дети.

По другую сторону пруда начинаются две новые улицы. Одна идет продолжением первой, а вторая — несколько левее, в сторону полей. На стыке улиц общественные здания — школа, правление колхоза.

В школе началась большая перемена. Из дверей школы вылетела шумная ватага ребятшек и рассыпалась по двору в погоне за ускользящим футбольным мячом. Только две маленькие девочки стояли у крыльца и завистливо глядели на игру, не решаясь пуститься за соблазнительно мелькавшим мячом. Спустя немного, на крыльцо вышел молодой учитель, одетый в темную гимнастерку. К нему сразу же подбежало несколько играющих.

— Родион Емельянович, а они неправильно играют.

— Родион Емельянович, а они его ногами...

Учитель только улыбался. Не дожидаясь ответа, мальчишки снова помчались к мячу, — мол, время ли судиться, просудишься, а перемена пройдет.

— Здравствуйте, Родион Емельянович, — по-ученически поздоровалась Таня.

— Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

— Меня так никто не зовет, вы тоже не зовите так.

— А я хотел уж к вам ехать.

— Что такое?

Комсорг сразу же поторопился объяснить.

— Вы понимаете, пригласили мы на свое собрание председателя сельсовета и окружили его там. Сначала сопротивлялся, глаза в сторону, мол, денег у меня нет, но мы категорически: «Без красного уголка нам культуру не поднять».

— Сколько же вы у него?

— Двести рублей пока. Уголок оборудуем сами, а деньги — на книги. За ними-то я и хотел поехать к вам. Достанем?

— Ох трудно! Сами знаете, теперь всем надо.

С него сразу же слетела учительская степенность. Он по-мальчишески с азартом, ероша черные волосы, стал доказывать, как позарез нужны им книги.

— Мы изголодались по ним. Стыдно признаться, что я еще «Молодую гвардию» как следует не читал. А потом учтите, — предостерегающе продолжал комсорг, — в городе книги для нас собирают, так что свою долю мы должны получить.

— Хорошо, получите. Теперь скажите, как вы тут работаете? Что комсомольцы делают, по деревне болтаются?

— Что вы?! Еще зимой раскрепились по бригадам, кроме меня, конечно.

— А что звено делает?

— Звено работает. Девчата опять за перегной принялись. На поле по соседству с участком открыли новые залежи и решили на свое поле перетащить до пахоты. Наташа после награждения увеличила свою посевную площадь, вот и торопится удобрить.

Таня долго и внимательно смотрит на комсорга, давая понять, что главный разговор еще впереди и что она собирается спросить его о чем-то, видимо, неприятном.

— Почему же, друзья-товарищи, вы, приглашая на свои собрания председателя сельсовета, забываете сообщить парторгу?

— Нет, нет! У нас уже давно с ним полный контакт.

Зазвонил звонок с перемены. Ребята побежали в школу, перегоняя друг друга. Мяч достался самому маленькому. Обхватив его руками и прижав к груди, он нес его с видом победителя. Вслед за ним ушел и учитель. На крыльце он остановился:

— Мы еще встретимся и договорим.

«Хороший парень, — думала Кашеева, — побольше бы таких!»

*

**

В правлении, кроме учетчицы, никого не было. Председатель Горин, по ее словам, сел верхом и уехал в тракторную бригаду, чтобы распорядиться переездом на новый участок. Парторг Чистотин на молочнотоварной

ферме или на поле выбирает место под выгон колхозного стада. Стадо уже гоняли в поле, но в тот же день пропала телка. Ее нашли на болотистом месте. Она осталась жива, но тем не менее, как выражалась учетчица, животновод решил заменить место под ранние выгоны. Учетчица разговаривала с Таней, не отрываясь от своих бумаг — лицевых счетов и табелей. Она была очень словоохотлива. Она сказала, что в конторе теперь не сидят, что ее сначала тоже хотели в бригаду направить, но решили оставить — работы много по учету.

Таня прошла в соседнюю комнату, обстановка которой была очень скупой — стол, две скамейки. С левой стены глядели спокойные глаза Сталина. Портрет был довоенный. Сталин здесь моложе. На новых портретах он выглядит старше — на висках видна седина, а в глазах можно прочесть пережитое. Вождь, казалось, смотрел на противоположную стену, где в старой, потертой рамке, под стеклом, треснувшим надвое, висела какая-то маленькая карта.

— А это у них что такое, — полюбопытствовала Таня, подходя к раме, — этого у них я во время войны не видела. «План внутриколхозного переустройства сельхозартели «Восток», — прочла она. Очертания плана подошли на маленькую распластанную шкурку. Сняв его со стены, она стала рассматривать. В левой стороне, на чистом поле плана, красивым чертежным почерком было выведено:

«Составлен по материалам 1940 г.

Утвержден Райисполкомом 12 июня 1941 г.»

«За десять дней до войны, — подумала Таня, — поэтому я и не видела его. Молодцы, что сохранили».

В комнату быстро вошел низкого роста человек, в зеленовато-серой военной шинели нараспашку. Под шинелью военная одежда перемежалась со штатской. В солдатские керзовые сапоги были заправлены простые рабочие брюки. На голове — кепка.

— Чистотин, — представился он, снял кепку и вытер со лба пот. Крепкое лицо улыбалось. — А я, кажется, знаю вас?

— Еще бы! Мою подружку сосватал, а меня бы и не знал.

— А как же?! На земле надо стоять прочно... Что вы тут разглядываете? — поторопился он, не желая продолжать очень уж щепетильный разговор о личной жизни. — Это — наш довоенный план. Комсомольцы обнаружили в кладовой. Очистили от пыли, помыли рамку, только вот стекло надо заменить. Довольно ему лежать в кладовой. Когда ребята вывесили план, колхозницы приходили специально смотреть на него. С ним связана вся наша колхозная жизнь. Я тогда еще совсем молодой был и... неженатый, — добавил он, посмотрев на ревнивую подружку своей жены. На фронт ушел я в начале войны, так что этот план я тоже увидел недавно. А тут все есть.

Парторг склонился над планом, указывая где — что.

— Кто наши соседи? Вот здесь, на северо-восток, от «А» до «Г», мы граничим с совхозом. Южнее, с этой же стороны, идут земли колхоза «На Ленинском пути».

— Я только что оттуда. У них такого плана нет.

— Должен быть такой план, пусть разыщут, — сказал он так, как будто к нему специально пришли спросить об этом. Он продолжал обводить новую границу от «В» до «Б». — Здесь колхоз «Власть труда», а на всей западной стороне — колхоз «Украинец». Соседи хорошие, особенно крепкий народ в «Украинце». Указательный палец парторга, немного покривленный, замкнул кольцо на верхней точке карты и плавно пошел вниз, указывая на внутреннее расположение колхозных участков. Какое богатство заключено в эти границы!

По государственному акту колхозу передано навечно около двух тысяч га земли.

Земель, включенных в полевой севооборот	868 га
В том числе мягкой пашни	794 га
Залежи	75 га
В лугопастбищный севооборот включено	384 га
В том числе мягкой пашни	298 га
Залежей	47 га
Сенокоса	11 га

В колхозе более чем достаточно сенокосов. Даже в военные годы колхоз производил богатые заготовки сена, на всю зиму с остатком. В нем недостатка нет и нынче.

Имеется 156 га только одних пастбищ. Скоту есть где погулять. Но за войну поголовье скота сильно уменьшилось и сейчас принимаются все меры к его восстановлению. Достаточно и лесной полосы. 156 га — площадь нешуточная.

— Обратите внимание, — говорил парторг, — в плане учтен специальный фонд в шесть га для новых колхозных хозяйств. Если бы не война, этого фонда может быть и не хватило бы. — Он повернулся к Тане и пошутил: — Беспокоясь за реализацию этой статьи плана, я и решил жениться.

— А вот здесь, — показывал он на небольшой ромбовидный участок, покрытый маленькими кружками, — здесь предназначалась разбивка фруктового сада и ягодника. Целых два гектара.

— Ленинцы в этом же году засадят больше двух.

— Разговоры!..

— Не разговоры, а точно. Комсомольцы постановление вынесли. Сам Петр Кузьмич специально приезжал, осматривал подходящий участок.

— Ну, значит, всерьез...

— Конечно, всерьез. Договор поехали заключать с Бердским питомником, — соврала Таня, — ответственного выделили.

— Мы этот вопрос тоже поднимем. Наши комсомольцы тоже ребята боевые. Недаром же они разыскали наш довоенный план. Не украшения ради. Действовать по нему будем.

Он поднял план, придавил ладонью отошедшую половинку стекла и водрузил его на стенку. С противоположной стены все так же внимательно смотрел Сталин, как бы говоря:

«Вот с этого и начнем, друзья мои».

По выходе из конторы они невольно остановили взгляд на захламленных запрудах. Верхний пруд был чище нижнего. Ближний к нему берег был как бы замешан на глине и соломе. Очертания пруда были красивы — два ровных полукруга, разделенных верхней плотиной.

— Какой роскошный пруд был бы, если за него взяться хорошими руками, да с умом, да с настоящей любовью к жизни, — мечтательно говорила девушка, — не пруд был бы, а одно украшение. Посадить вокруг пруда всяких разных деревьев! Главное, он — посредине села, под окном правления колхоза. Речки-то, ведь, поблизости нет. Можно сказать, единственный водный резервуар.

Парторг помалкивал, прищулив и без того узкие глаза. Вдруг, к явному его неудовольствию, с конного двора выбежало около десятка годовалых жеребят. Выскокив на волю, все они бросились в воду, расплескивая ее во все стороны. Напившись, одни — лениво выходили на берег, с трудом вытаскивая ноги, другие — продолжали топтаться в воде, взбивая ее передними ногами. После них весь пруд помутился, а берег стал еще более вязким.

— Нам сейчас трудноато браться за все сразу, — как бы оправдывался парторг, — а браться надо. Когда я уходил на фронт, здесь камышевых зарослей не было. Пруд блестел, как серебряный слиток, а теперь вот и водорослей не оберешься. На меня иногда обижаются, что крутовато беру, а как быть? Пять лет в армии многому научили. Если нужно построить мост — бывало под огнем настоящий построим. Не только телегам проехать — танки, тяжелые орудия проходили. Строили быстро и прочно. Можно и здесь делать то же самое, только нужно, чтобы люди почувствовали потребность в этом. Опыт войны не должен пройти для нас даром. А сколько мы за войну земли одной перекопали! Как только новая позиция, так и окапывайся. За два часа вся материальная часть в землю уйдет так, что и не видно. Надо теперь работать по-другому, по-военному. — Комсомольцев сле-

дует поднимать на это, если девятнадцать наших комсомольцев что решат, то и будет.

— Разве комсомольцы одни? Вокруг них сколько еще молодежи.

— Дайте срок, все сделаем. Когда молодежь что-нибудь начинает, то и старики тянутся за ними, трудно усидеть.

Так же и получилось, когда Жаркова вернулась из Новосибирска с орденом. До этого как-то неуверены были, что наш колхоз награждать будут, а теперь все колхозницы заговорили, мол, давайте и мы работать по звеньям.

«Мы — что, хуже Наташки что ли, мы побольше на свете жили, работать тоже сумеем».

И на собрании подняли шум. «Натка, видишь, будет получать на трудодень как полагается, а мы меньше? Давайте поделимся на звенья, а там посмотрим — кто кого». Единогласно решили, что если Жаркова Наталья берет на себя обязательство получить 240 пудов с га, то весь колхоз должен получить не меньше ста двадцати пудов.

— Значит, Наташу встретили хорошо?

— Она работница хорошая, да и девчата у нее дружные. Корить их не приходится, но других все-таки подсасывает. Каждый мог бы сделать то же самое, главное — взяться. Нынче она хочет очень много: сорок центнеров! Среди наших такую цифру, пожалуй, только ей и вытянуть. У нее есть уже опыт прошлого года. Да и вообще она в агротехнике стала разбираться. С агрономом часто советуется. Девчат своих настроили так, что председатель колхоза за голову хватается. «Что будет, если все будут так же требовать». Три звена еще организовали. Два свекловодческих, а одно огородное.

Он говорил так, как будто действительно боялся, что все вдруг придут к председателю и начнут требовать невозможного.

— А единственному звену, поди, плохо помогаете?

Парторг почесал затылок, хитро улыбнулся, развел руками, — как можем.

Ясно одно — звено живет и тащит за собой других. Было очевидно, что оно работает в трудных послевоенных условиях, преодолевая уйму всяческих недостатков. Парторг* показал гостье в сторону березовой Грачиной рощи — за ней начинается поле комсомольского звена. После знакомства со звеном Дуси Морозовой любопытно было встретиться с девушками из другого колхоза.

Белую березовую рощу черными пятнами облепила громкоголосая грачиная стая. Их вздорный крик разносился далеко за пределами рощи, в двух километрах от которой шла пахота. Казалось — неутомимый птичий мир взял шефство над этим районом. Чернявые грачи, как вестовые, сновали между полем и рощей. Не бескорыстной была их деловая шумиха — на вспаханном поле есть чем поживиться в эти весенние дни. Они ходят по свежей борозде, важно и степенно, как инспекторы по качеству, делая вид, что их совсем не волнует глупый червячок, затерявшийся на большой комковатой земле.

Из-за небольшого колка на ровное поле прошлогодней свекловицы вышел огромный бело-пегий вол, запряженный в широкую телегу, нагруженную перегноем. Вол шел медленно, глубоко продавливая мягкую черную землю белыми, полированными копытами, нисколько не обращая внимания на понукания девушки, шагавшей рядом. Припустив огромные блестящие витые рога над темнокурчавым надлобьем, он косил в ее сторону круглый, спокойно-влажный, темновато-коричневый глаз.

— Самсон проклятый!.. Ну, шагай же быстрее, — размахивая вожжой, кричала девушка, — откуда тебя такого идола взяли? Ну!.. — Невозмутимый «Самсон», не обращая никакого внимания на свою погонщицу, шел все так же царственно спокойно. Весь его великолепно-ленивый вид как бы говорил: «Гори дом, гори жена — шаг не прибавлю».

— Вот уж ты, действительно, настоящий буйвол, — уверяла она его. Голова девушки до самых стрельчатых тонких бровей была повязана белым платком, что прида-

вало ее лицу особенно обостренное выражение, только глаза, серые и спокойные, когда присмотришься, да полные губы смягчали первоначальное впечатление. Рядом с огромным ленивцем она казалась особенно маленькой. Это впечатление усиливалось ее низкими сапогами и широкими голенищами. Так выглядят девушки-подростки в маминной обуви. «Какая она худенькая», подумала Таня. А та, словно желая доказать, что это не имеет значения, решила выказать свою силу на спине вола, ударив его вдвое сложенной вожжиной. На что «Самсон» добродушно махнул хвостом.

— Не действует?

— Подействуй на него!..

Поняв, что хозяйка занялась разговором, тот совсем остановился.

— Поздновато что-то с этим, — показала на воз Кашеева.

— Не говорите, — вздохнула она, проводя ладонью над бровями, — сначала думали удобрить по-хорошему только шесть га, потом решили еще четыре прибавить.

Когда телега была опростана и девушки тихо возвращались обратно, Наташа рассказала о своей поездке в Большой город.

— Даже и не представляла, как это мне, Наталье Жарковой, дадут орден. До последнего момента, до самой тоненькой ниточки все не верила. Боязно было думать об этом, даже стыдно, ведь только за двадцать три центнера с га.

— А потом?

— Потом — смех и грех: дали мне орден, а я стою и не знаю, что мне делать. Чувствую, что будто бы надо что-то сказать, а язык присох. Стою и моргаю.

— Сказала все-таки?

— Что-то сказала. Лучше бы, думала, еще пять гектар обработать, чем говорить перед почетными людьми. А там — Лысенко, Кудрина — не чета мне. Еду обратно, хмель-то от награжденности голову мутит — думаю, обругают меня девчонки, что 240 пудов взялась дать. Рассказала — ничего! Даже похвалили, да еще четыре га

прибавить решили. Вот мы и воюем сейчас — поспеть бы до пахоты.

Видимо, «Самсон» не первый день работал здесь, — шел без управления и сворачивал, где следовало. А, может быть, просто из хитрости — легче идти по готовому следу.

В маленьком ложочке показались девушки. Они ворошили слежавшийся навоз. Нижний слой, еще мерзлый, приходилось рубить топором.

— Вот и наши, — заулыбалась Наташа. Вон, в цветном платье — это Слетова Груня, моя праявая рука, самая отчаянная просмешница. Берегитесь, она какой-нибудь фортель обязательно выкинет.

У Жарковой, как и у других звеньевых, есть свои любимицы, задушевные компаньонки. Между ними создается какая-то очень прочная ось, вокруг которой вращаются все остальные.

Когда телега остановилась рядом с девушками, Груня подняла притворно удивленные серые глаза и спросила:

— Наташа, ты уж начала урожай собирать?

— Какой, Груня, урожай?

Все девчонки фыркнули, поняв намек на гостью, еще сидевшую в телеге. Их было трое кроме Наташи. Одна из них конфузливо отвернулась.

— А как же? Поехала одна, а вернулась вдвоем.

Наташа взглянула в сторону секретаря, как бы говоря: «Видите, я же говорила вам, что Груня что-нибудь выкинет».

— Познакомьтесь!

— Слетова Груня.

— Пономарева Мария.

— А это у нас — Анастасия Мешкова — наш главный агроном, — тараторила Груня.

— Хватит уж тебе, — процедила Мешкова.

Груня вздернула маленький нос, обильно обсыпанный маленькими веснушками, сделала серьезное выражение лица.

— Давайте накладем воз и отправим его в длительное путешествие. Может быть, к вечеру вернется, — яз-

вила она, показывая на солнце. Бросила топор, взяла вилы и положила первую, немного подтаявшую глыбу. Глядя на девушек, Таня Кашеева невольно начинала сравнивать их с девушками звена Дуси Морозовой. Всем, кроме звеньевой, было по семнадцать-восемнадцать лет. Они чем-то походили друг на друга. Даже в характере звеньевых было что-то общее. У Морозовой лицо круглое и крутое, глаза смелые, немного дерзкие, а у Наташи лицо узкое, глаза внимательно спокойные. Она улыбается легкой снисходительной улыбкой опытного человека. Годы суровой войны не прошли для нее бесследно. Ее веселые подружки по молодости не всегда, может быть, сознавали, что происходит в мире. Она была старше своих товарок на пять лет.

По лугу, с полуденной стороны, ехал всадник на красивом гнедом жеребце. Отогнав от зеленеющей озими группу овец, он легким аллюром направился к звену.

— Иван Степанович едет, — шопотом сообщила Груня. — Давайте, девчонки, лошадь просить. А то — не успеть нам.

Председатель подъехал, натянул ременные повода. Жеребец грыз удила и нетерпеливо бил правой ногой. Его горячие очковые глаза смотрели недружелюбно. Девушки перестали работать.

— Здравствуйте, молодые.

— Здравствуйте, Иван Степанович, — приветливо отвечала Груня, остальные молчали...

— Что-то вид у вас сердитый, к чему бы это?

— Как же, Иван Степанович, — протяжно начала Мешкова, — дали нам этого слона... пока доедем, да вернемся — день кончится. Давайте нам лошадь, настоящую.

— Дам, дам... Завтра с утра берите «Чалку».

Председатель сидел в седле неуверенно. Чувствовалось, что ему, как бывшему кузнецу, в мастерской куда сподручнее. Он все время удерживал жеребца, накрутив на правую пористую руку тонкие поводья.

— Надо бы сразу сказать, что лошадь нужна. Лошадь — можно... Торопитесь. Завтра к вечеру трактор придет. Чтобы все готово было! Что это вы за хозяйки

такие — по озими овцы толкутся, а вы не видите, — выговаривал председатель, трогая жеребца.

— Всегда так, — говорила все та же Груня, глядя вслед председателю. — При уполномоченном посулят, а потом начнут вилить. Дескать, обойдетесь как-нибудь, девчонки, нехватки у нас с тяглом, — передразнивала она жалобным голоском, показывая при этом, как они начинают вилить.

— Настя у нас чтой-то раздурилась сегодня, — заметила молчаливая Мария Пономарева, все время недовольно наблюдавшая за своей подружкой.

— Вы больно серьезные, — огрызнулась та и строила уморительную рожицу. Потом недовольно подняла вилы, воткнула их в мягкую землю — вилы качнулись и встали — быстро подобрала вожжи и, — ласково глядя бугая, закончила:

— Пойдем, дорогой, здесь нас не понимают.

**

— В прошлом году у нас было посеяно десять га, вон там, — Жаркова показала на ближний ложок, — тоже очень близко от деревни; сразу же за поскотиной. Сейчас, когда принимаешься за новый участок, прошлогодняя работа уже отходит куда-то в сторону. Все свои думы целиком связываешь с новым годом. А если вспомнишь, то окажется, что много труда было вложено в наше дело. Прежде, бывало, забота была одна: вспахать и посеять, а посеял — жди, что получится. С самой весны, после посева, уже к земле не притрагивались. Другой год бывает, что всходы бледненькие, рядочки реденькие, что с ними сделаешь?.. Теперь нам так не приходится. Почти круглый год надо работать, чтобы получить урожай. Сначала всякая подготовительная работа к посеву, а посеешь — глядишь, как всходы пойдут, как стебелек в трубочку начнет выходить, да как колоситься начнет. Это, ведь все равно, что зубки у ребеночка прорезаются. Смотришь, хватит ли силенок, не поспособит ли чем-нибудь. А когда зерно наливаться начнет, тут уж совсем ответственно. Ведь из-за зернышка-то и затея вся

происходит. Если в земле мало питания, то зернышко получится маленькое, морщинистое, а если земля во всем соку, то зерно емкое, плотное, да и цвет его совсем другой, какой-то румяный, переливчатый.

— Вы знаете, что получилось у Дуси Морозовой в прошлом году? — спросила Таня.

— Как же не знать, она ведь соседка наша. Мы у себя в звене этот случай разбирали подробно. Не усмотрели они, что запоздали с севом — это одно, а что вовремя не поддержали налив зерна — это другое. Пшеница нежилась, можно было радоваться, тут бы ей подкормку дать, заставить наливаться быстрым темпом, успела бы созреть. Я однажды мимо проезжала, завидки брали, какая красивая полоса была. Дурной рост получился. Колос большой, но обманчивый. Мне даже неудобно перед ней. Я орден получила, а она у нас, можно сказать, первейшая в районе.

В голосе Жарковой не было торжества победительницы. Она признавала за Морозовой силу, которую постигла временная неудача. Над такой неудачей смеяться нельзя — из них крепкие натуры извлекают уроки и становятся после этого еще сильнее. А Жаркова знает, что в новом году ее молодая соседка будет работать со всем упорством и хитростью. Она в соревновании соперница очень сильная. Хоть она и взяла обязательство на пять центнеров меньше обязательства Жарковой, но в этом видели только хитрый маневр обиженной мастерицы.

— У нее есть такая черточка. Она любит представляться бедненькой неумехой, а сама про себя знает другое. Только мы тоже не лыком шиты, — хитровато улыбнулась Жаркова, — мы тоже себя знаем.

— На заводе, поди, лучше работать, — задумчиво продолжала она. — Дали рабочему задание, вручили чертеж — делай, как в чертеже. Сделал норму — вот тебе и сто процентов. Сделал еще полнормы — стахановец! Поработал так месяц — на красную доску! А у нас история длинная-предлинная. Проработал весну хорошо, похвалили тебя, а сердце все равно болит — что потом будет? Уродится ли? Нужно, чтобы все работы до самого созревания хорошо были сделаны. В прошлом году мы

еще с осени работу начали. Зимой задержали снег — где валками, где кучами. Чтобы ветром не продувало, валки поднимали во-как, — показала она рукой на целый метр.—Сделали мы такое дело — подошла весна. Если не задержать талую воду, то и зимняя работа утечет вместе с водой. Задержали талую воду, подготовили удобрения — началось самое горячее время... Зябь у нас была заготовлена. Весной перепахали еще и заборонили следом. Все, ведь, цепляется друг за дружку. Не проборони мы следом — снегозадержание и водозадержание даром бы прошли. Влага-то улетучится!.. Так вот одно другое и подхлестывает и подкручивает.

Другие девушки внимательно слушали, интересно было вспомнить, как все это делалось. Время изменяет отношение к прошедшему. Даже неприятные когда-то минуты становятся иными, потому что они были связаны с любимым делом.

— В прошлом году при посеве мы оплошку дали. Нам надо было все самим делать, а мы доверились другим. Нынче пахоту, бороньбу и посев самолично производить будем, чтобы уж никаких сомнений, — подчеркнула она.—В прошлом году 150 кг на га давали—сеяли в один ряд, а нынче дадим 180 кг и сеять будем крестна-крест.

На вопрос, что это дает, она удивленно посмотрела на Таню.

— А как же? Очень многое! При рядовом высеве между рядочками остается пустое место, в самом же рядке зерна сидят густо, а при перекрестном они ложатся ровненько, клеточкой. Посеяли мы почти на полмесяца раньше, чем наша соседка Дуся Морозова, и очень выиграли, а она проиграла. Пошли всходы, — она неожиданно рассмеялась, — как будто историю какую-нибудь рассказываю. Будто с фронта приехала, всех там врагов побилла и объясняюсь.

Действительно, все когда-то жили мыслями о фронте, все внимание было отдано ему. Люди с жадностью следили за фронтовыми событиями — все было интересно. Забывали тогда о себе и о том, что в тылу тоже были большие дела.

— Пошли, значит, всходы, — продолжала она. — Опыта еще, какого следует, не было. Посоветовались тогда с агрономом — он хороший был, вежливый, внимательный, — решили удобрить землю по всходам. Десять центнеров суперфосфата рассеяли вручную — как угадали перед дождем — помогло! Мы бы собрали побольше, если бы все делали, как агротехника предписывает.

— Нам надо было мульчирование сделать, — это слово она произносила с каким-то особенным удовольствием, часто повторяя, — можно мульчировать легким слоем соломы. Мульча помогает сохранить влагу. В этом году мы заготовили сорок центнеров хорошего перегноя. Ну, прополка само собой должна быть по времени. Вы знаете, что нас давит? — спросила она. — То есть не нас вот, а вообще звенья. Бывает так, что работаешь, работаешь, а при уборке заедет на полосу комбайн и по-ошел чистить подряд. Где звеньевая пшеница, где не звеньевая — ему все равно. Звеньевая же работа теряется в общей массе, во-первых, а, во-вторых, звеньевое зерно лучше, оно семенное. Мы этого не должны позволить. Работаем звеном — извольте учитывать. У вас, друзья-товарищи, урожаи меньше нашего, хотите сравняться с нами — работайте, мы опередили вас — догоняйте, — рассуждала Жаркова, как бы беседуя с противником особого учета звеньевого урожая.

— Мы двойную линию ведем. Одну, научную — с агрономом, а вторую — со стариками нашими. Они — народ опытный. Мой отец взял шефство над нами. Ему уж 75 лет. Он инспектором по качеству работает. Чуть что — к нему. Говорит: «В прошлом году ты, дочка, на участке своем орден вырастила, а нынче урожаем удивить надо».

— Приходил он к нам на участок, смотрел, землю шупал и заключил, что урожай будет. Только, говорит, влажность возьмите, лето, мол, жаркое будет. Он у нас — вроде консультанта. С ним даже агроном считается. Слушай, говорит, Наташа, своего отца. Он знает дело.

О работе звена Наташа говорила охотно, но о себе — почти ничего. Что же, мол, говорить. Дело понятное —

выросла в деревне, училась в своей же школе, а кончила школу, пошла в поле. Ей кажется, что и выросла она здесь, на широком просторе колхозной пашни. Она не знает и не представляет себе, как можно было жить одиночно, держась за какой-то жалкий клочок земли, тогда как теперь им, молодым колхозницам, дали такой большой участок. А если мало — дадут еще.

Вечером девушки возвращались с поля, успев все-таки вывезти больше половины удобрений. «Самсон» неторопливо ступал белыми двойными копытами по черной уступчивой земле, изредка встряхивая своими красивыми, витыми рогами. На высоких ветвях белой березовой рощи, пронизанных лучами закатного солнца, все так же беспечно сидели грачи, оберегая свои гнезда. От земли шла теплая испарина.

*
**

Председатель сдержал свое слово. На следующее утро звену дали лошадь и старого «Самсона». К трем часам дня, уже свободный от перевозок, он стоял в мелком кустарнике и с удивленьем смотрел на странную картину, происходившую на его воловьих глазах. Девушки оставили его и, перегоняя друг друга, побегали по полю навстречу чему-то такому, что «Самсон» однажды видел. Это самое так же вот фыркало, гремело и быстро двигалось. Сейчас, как и в первый раз, бугай недоумевал и свое недоумение хотел рассеять, обернувшись к шустрой лошади «Чалке». Но последняя, не обратив на него никакого внимания, продолжала жевать сено. А любопытное явление все надвигалось и надвигалось — пофыркивание стало сильнее, и уже заметен был бледноватый дымок. Стремительный «Дизель», похрустывая широкими гусеницами, подошел и встал напротив «Самсон», стоявший в кустарнике, поднял красивую кучерявую голову, увенчанную золотистыми рогами...

За трактором — большой ряд блестящих на солнце отполированных земель лемехов с остро нацеленными сошниками. Кроме этого, трактор тянул еще и бороны, разведенные на всю ширину вспаханного. Тракторист

поднялся со своего сиденья, расправил плечи и, не обращая внимания на сторонившихся плугарей и девушек из звена, подошел к своему любимцу и открыл крышку капота. Осматривал долго и внимательно. Маленький юркий плугарь трижды взбирался на сиденье к инструментальному ящику. Молчание тракториста беспокоило девушек: «Не случилось ли какой оказии». Оказии не случилось, тракторист вытер паклей масляные руки и обратился к девушкам:

— Кто у вас тут?..

В интонации так отчетливо прозвучало недосказанное слово, что Жаркова поторопилась.

— Я!

— Почему плугарей моих хотите заменить, не доверяете им? Я ведь еще не знаю, какие вы плугари! Давайте без возни.

Девушки заупрямились. — Какая же здесь возня? — мы сядем и будем работать.

— Коля, — обратился он к плугарю постарше, — проинструктируй!

— Мы знаем, — работали!

— Тогда живее!

Наташа Жаркова, Груня Слетова и Мария Грачева побежали к плугам, споря на ходу, кто где встанет. Смещенные плугари стояли перед трактористом, спрашивая — надолго ли такая удивительная история.

Человек в промасленной куртке привычно поднялся на сиденье. Уселся, тронул рычаги, обернулся:

— Готовы ли?

Новые плугари стояли на своих местах твердо и торжественно. Груня Слетова, взявшись правой рукой за рычаг, а левой подперев бок, стояла с приподнятой головой, дескать, — фотографируйте, пока я не уехала. Трактор запыхтел, затарахтел и тронулся.

— Маня, Тася, уведите эту живность домой, — кричала Наташа, показывая на лошадь и вола. Но ни Маня, ни Тася не сдвинулись с места. Любопытно было посмотреть, как начнется долгожданная пахота.

...Земля черными ручьями текла из-под плугов. Черные волны вздымались и успокаивались, попадая под бо-

роны. После трактора оставалась теплая, мягкая, пока еще не слишком широкая лента кормилицы-земли. Трактор был уже далеко. Разжалованные плугари и остатки звена топтались на вспаханном, осматривая работу. А з ними приближались, но не слишком близко, расчетливые грачи. Установилась ясная летняя погода. Грачей все прибывало.

Трактор пошел на второй круг; проезжая мимо, страшно довольные девушки кричали друг другу, переговаривались. Тракторист время от времени оглядывался на них и на темном, пропыленном и промасленном лице вспыхивали белые зубы—ему, видимо, тоже нравилась такая работа. В ней не было будничного равнодушия. Для его плугарей—это всего-навсего «поднять дневную норму», а для девушек — это праздник весны. Черная лента все ши-

рилась и ширилась. Она теперь резко подчеркивала яркость весеннего солнца, большую голубизну неба и сизоватую безграничность полей.

Грачева Маша подошла к лошади, перевязала разпущенный чересседельник, приподняла и уравнировала оглобли, села в телегу и стала ждать подругу, хлопотавшую около рогатого, но та, заметив это, только махнула рукой:

— Поезжай. Все равно нам не ехать вместе.

Неуклюжий рогоносец всем своим добрым видом подтверждал это. Маша стегнула «Чалку» и поехала, оглядываясь на подругу. Тасе пришлось как следует пошуметь, чтобы вывести бугая из кустарника. Потом поехали и они. Поехали тихо и медленно. Животное было явно в меланхолическом настроении. Опустив рога, оно ступало медленно и вяло. Можно было предполагать, что бугай думал: «Самсон» сделал свое дело, «Самсон» может уйти».

*
**

Поле, черное от края до края, было аккуратно раздиновано и размерено только что проходившей сеялкой. Зерно вручено родной земле. Зерно положено на ее грудь под мягкий бархатный покров. Если бы можно было слышать, как бьется горячее сердце земли, как переливаются земные соки, чтобы достигнуть и тронуть маленькое зернышко, таящее в себе, как в маленьком сказочном ларце, радостное цветение жизни!

Самым отрадным является то, что в сознание молодых колхозников, творцов будущего, вошла вездесущая, всепобеждающая сила советской науки, поставленной на службу трудолюбивому человечеству. Многие открылось молодым колхозникам. Исчезла тайна происхождения высоких урожаев. Стали понятными общие законы земледелия. На землю посмотрели не только сверху, но и увидели особенности ее строения. Прежде смотрели на все поле и оно воспринималось, как нечто безличное, бесхарактерное. Теперь, в единой массе созревшего по-

ля, увидели отдельный стебель, всецело зависимый от других таких же стеблей.

Советской молодежи открыты неограниченные возможности для творчества. Каждый, кто стремится сделать лучше и больше, получит поддержку и помощь. Каждый, кто хорошо работает, найдет почет и уважение среди советских людей. Для этого есть настоящие условия. Комсомольско-молодежное звено — это пять-шесть молодых девушек и парней, различных по возрасту, разных по своим личным качествам, соединенных в единой цели, органически спаянных в живую общественно-экономическую клетку.

Эти маленкие группки в наших колхозах стали прочными связующими звеньями между нашей советской наукой и колхозной землей. И не только. В них уже развились все необходимые условия, чтобы стерлась грань между нашими городами и деревнями. Наличие в колхозе техники делает эту грань все меньше ощутимой. Сейчас уже трудно отыскать разницу между комсомольско-молодежным звеном колхоза и молодежной бригадой какого-нибудь завода. Как здоровое зерно, положенное в теплую весеннюю землю, дает росток и зреет, так и молодежные звенья созреют в крепкую колхозную силу. Им принадлежит будущее! Недаром о них с любовью говорят колхозники: — «**Наши золотые звенья!**»

Содержание...
Краткое содержание...
Содержание...
Краткое содержание...

★
★
★
★

Ответственный редактор *А. Ф. Рабчинский*

Художник *И. В. Татков*

Тех. редактор *А. М. Чиков*

Зак № 2958.

Подп. к печати 20 августа 1947 г.

МН 12976

Объем: 3,75 п. л., 2,75 уч. изд. л. Тир. 10000

Цена 1 р. 40 к.

Типография № 1 Облесполкома.

ЦЕНА 1-руб. 40 коп.

14к